

II.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Неприкосновенность частной собственности въ международных войнахъ.—Обзорніе иностраннхъ военныхъ журналовъ: *Journal de l'armée belge*.

Неприкосновенность частной собственности въ международных войнахъ. Р. Базинера. (*«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»*. Сентябрь и октябрь 1870 года).

Стратегія и тактика, нѣтъ сомнѣнія, почерпнуть немало уроковъ изъ окончившейся нынѣ борьбы нѣмцевъ и французовъ, и теорія военного искусства обогатится новыми взглядами, новыми выводами и новыми основными началами. Но что извлечетъ изъ франко-германскаго столкновенія теорія международного права и права военного? Прибавятся-ли къ выводамъ, основаннымъ на прежнихъ войнахъ, новыя положенія? Можно-ли будетъ указать на факты, которые засвидѣтельствовали бы утѣшительную истину, что, вмѣстѣ съ успѣхами цивилизаціи, которыми такъ гордится наше время, смягчаются, даже не ичѣютъ мѣста, суровыя условія права войны, господствовавшія въ вѣка древніе и средніе?

Отвѣчать на эти вопросы категорически невозможно въ настоящую минуту. Хладнокровное обсужденіе ихъ принадлежитъ будущему. Теперь же небезполезно припомнить основныя начала права войны, или военного права, выработанныя новѣйшими публицистами, чтобы быть въ состояніи судить о событіяхъ франко-германской распри съ точки зрѣнія юридической.

Теорія права войны или военного права есть нераздѣльная часть
Т. LXXXIII. Отд. II.

теоріи права народнаго. Цѣль, къ которой стремятся враждующія стороны въ каждой войнѣ, есть почетный миръ — междунаціональный миръ въ войнѣ внѣшней; порядокъ, спокойствіе, законность, земскій миръ, когда обѣ враждующія стороны состоятъ изъ членовъ одного и того же государства. Отсюда слѣдуетъ, что хотя война и есть средство и проявленіе силы, однако, въ продолженіе военныхъ дѣйствій, народное право не можетъ вполне утратить своего значенія, и потому—то, въ теченіе времени, образовалось особенное междунаціональное право войны. Это право отчасти обусловливается только обычаемъ, отчасти же основывается на формальномъ договорѣ; но всегда оно было колеблющимся, непрочнымъ. Причина такой непрочности понятна: обѣ враждующія стороны имѣютъ силу и средства нарушить право; онѣ могутъ смотрѣть на него каждая съ своей точки зрѣнія, особенно та сторона, на которую склонилось измѣнчивое счастье войны; наконецъ, дѣйствующія на войнѣ лица всегда находятся въ извѣстныхъ предѣлахъ независимости, слѣдовательно не связаны юридическимъ контролемъ. Всѣ существующія научныя системы народнаго права войны имѣютъ начало въ прошломъ столѣтіи, а основныя начала этихъ системъ восходятъ еще далѣе и виждутся на возрѣвнѣхъ давно исчезнувшей эпохи. Относительно самаго образа веденія войны признается общимъ правиломъ, чтобы въ продолженіе военныхъ дѣйствій устраняемы были всѣ жестокости, разоренія, пожары, грабежи, хищничество, словомъ все, что является *безполезнымъ и что не содѣйствуетъ достиженію цѣли войны*. Но кто опредѣлитъ что безполезно? Все будетъ зависѣть здѣсь отъ времени, отъ обстоятельствъ, отъ нравственныхъ качествъ военачальниковъ и войскъ, и, въ концѣ концовъ, обычай останется единственнымъ мѣриломъ и единственнымъ убѣжищемъ. Запрещенными средствами веденія войны признавались, даже встарину, тайное убійство или умерщвленіе измѣною, распространеніе ядовитыхъ веществъ и заразительныхъ болѣзней въ непріятельской странѣ или въ непріятельской арміи, употребленіе отравленнаго или такого оружія, которое влечетъ за собою мучительную смерть, оцѣпка головы «легальнаго» непріятеля, угроза осажденнымъ войскамъ, что если они не сдадутся, то, послѣ штурма, будутъ всѣ перебиты, жестокое обращеніе съ плѣнными и ранеными, поруганіе мертвыхъ... Очевидно, какъ неопредѣленны всѣ эти условія. Въ силу ихъ, и военная хитрость (стратагема), напримеръ, можетъ быть поставлена наряду съ тайнымъ убійствомъ. Кто же проведетъ раздѣльную черту? Удачное нападеніе врасплохъ будетъ, пожалуй, объявлено подлою измѣною со стороны того, кто потерпѣлъ отъ него. По поводу всякаго, вновь

изобрѣтеннаго, оружія, могутъ возникнуть споры о томъ, дозволяется ли оно или нѣтъ народнымъ правомъ; противъ остроконечныхъ пуль и ракетъ всякій профессоръ народнаго права можетъ начать процессъ, тогда какъ всякій главнокомандующій вынужденъ употреблять ихъ. Что такое «легальный», законный непріятель? Частелеръ, родился въ Нидерландахъ и рано поступилъ въ австрійскую службу; но въ 1809 году Нидерланды были присоединены къ Франціи и Наполеонъ признавалъ Частелера *своимъ* подданнымъ, слѣдовательно, по старому народному праву, не какъ своего «легальнаго» врага, и назначилъ цѣну за его голову. Кто былъ правъ: Наполеонъ—ли или австрійскій императоръ, считавшій Частелера своимъ «законнымъ» подданнымъ?... Точно также Наполеонъ признавалъ *своимъ* подданнымъ генерала Винцингероде, гессенскаго уроженца, поступившаго въ русскую службу еще въ 1797 году, и грозился разстрѣлять его, когда въ 1812 году Винцингероде былъ взятъ въ плѣнъ подъ Москвою. Если, въ разгарѣ боя, солдатъ, ранивъ непріятеля и поваливъ его на землю, нанесетъ ему еще нѣсколько ранъ штыкомъ, то будетъ—ли это жестокое обращеніе съ раненымъ или нѣтъ? Побѣжденные дадутъ, конечно, утвердительный отвѣтъ.

Споры о подобныхъ и о многихъ другихъ пунктахъ, такъ называемаго, народнаго права неизбежны; на практикѣ же ходъ въ войнѣ бываетъ обыкновенно слѣдующій. Тотъ главнокомандующій, который, съ *своей* точки зрѣнія, недоволенъ нарушеніями народнаго права противною стороною, вступаетъ съ ея главнокомандующимъ въ переписку и взываетъ къ его чести, гуманности и къ тому подобнымъ прекраснымъ вещамъ; если на первое письмо не послѣдуетъ удовлетворительнаго отвѣта — а такой отвѣтъ бываетъ лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.—то во второмъ письмѣ уже объявляется угроза «репресалій», т. е. угроза поступать одинаково и относительно противника; а если и это не подѣйствуетъ, то репресаліи приводятся въ исполненіе. Здѣсь является, однако, то неудобство, что сторона, считающая себя вынужденною грозить репресаліями, рѣдко имѣетъ возможность осуществить ихъ вполнѣ, не говоря уже о томъ, что при репресаліяхъ страдаютъ обыкновенно наименѣе виноватые, т. е. мирные граждане. Основное правило народнаго права, формулированное въ исходѣ семнадцатаго и въ восемнадцатомъ столѣтіи, говоритъ: «оружіе можетъ быть обращено противъ всѣхъ «легальныхъ» непріятелей, но со всѣми «легальными» непріятелями, если они попадутся въ плѣнъ, должно обращаться «легально», т. е. съ уваженіемъ требуемымъ обычаями, или на основаніи тѣхъ условій, которыя были постановлены,

по этому предмету, враждующими сторонами до открытія военныхъ дѣйствій». Но опять вопросъ: что такое «легальный» непріятель? Въ прошломъ столѣтіи отвѣчали на него очень просто: «все, что узаконено главою государства носить оружіе, должно быть признаваемо противною стороною легальнымъ непріателемъ, и болѣе никто, потому что война есть дѣло государей и до народа не касается». По такому толкованію, въ восемнадцатомъ вѣкѣ считались легальными непріателями только войска неостоянной арміи и сформированныя государемъ ополченія, одѣтыя въ мундшры, но не вольныя дружины, не народныя ополченія, не національная гвардія. Если люди этихъ вооруженныхъ силъ попадались въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, то съ ними поступали не какъ съ военно-плѣнными, а по усмотрѣнію побѣдителя. Запутанность возрастаетъ еще въ высшей степени, когда глава непріязненнаго государства не признаетъ своими противниками. Тутъ ужъ нѣтъ собственно «легальныхъ» непріателей. Въ такомъ положеніи находились, при послѣдовательномъ проведеніи правилъ стариннаго народнаго права, всѣ войска первой французской республики относительно союзниковъ. Между тѣмъ, войска французской республики, если и нѣ всегда оставались побѣдителями, то, по крайней мѣрѣ, всегда имѣли случай прибѣгнуть къ репрессаліи въ довольно обширныхъ размѣрахъ; она могли не только сказать: «если вы не признаете насъ легальными противниками, то и мы будемъ поступать относительно васъ такъ же», но и осуществить свою угрозу. Послѣ этого войскамъ союзниковъ не оставалось ничего болѣе, какъ признать «легальными» непріателями уже не одни регулярныя войска республики, а и національную гвардію.

На сторонѣ нападающаго, очевидно, большое преимущество, если непріятель, въ землю котораго онъ вноситъ войну, противопоставляетъ ему только регулярныя войска и отназывается, по той или по другой причинѣ, прибѣгать къ народному вооруженію. Вотъ почему нападающіе удержатъ, вѣроятно навсегда, различіе, установившееся въ прежнія времена между «легальными» и «нелегальными» непріателями; но тѣ государства, которыя хотятъ ограничиваться обороною своей самостоятельности, конечно, не могутъ быть довольны такимъ взглядомъ на боевыя силы. Они должны настаивать, что бы всякій гражданинъ признавался «законнымъ» непріателемъ и употреблять репрессаліи противъ войскъ противника, если не будетъ принято это правило, какъ необходимое слѣдствіе народнаго права новѣйшаго времени, въ силу котораго война есть дѣло не однихъ правительствъ, но и самихъ народовъ. Если же будетъ достигнуто

принятіе условія, что атакующій станетъ признавать всякаго гражданина страны «легалнымъ» противникомъ, то явится едво изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ противъ бесполезныхъ и несправедливыхъ наступательныхъ войнъ.

Мятежники, т. е. возставшіе подданные, никогда не должны были бы, въ сущности, быть признаваемы правительственными войсками, противъ нихъ сражающимися, за легальныхъ непріятелей; однакожь это случается, и именно тогда, когда мятежники имѣютъ дѣйствительную силу. Такъ, датчане хотя и называли шлезвигъ-голштинцевъ мятежниками, но до тѣхъ поръ, пока побѣда не была рѣшена, не поступали съ ними, какъ съ «незаконными» противниками. Тоже отношеніе существовало между австрійцами и мадьярами въ 1849 году.

И такъ истинное опредѣленіе слова: «легалный врагъ» было бы слѣдующее: «тотъ, кто принадлежитъ къ сторонѣ желающей и могущей примѣнять на практикѣ репрессаліи, есть врагъ легальный, законный.»

Легальные враги имѣютъ право на приличное обращеніе съ ними въ плѣну. Мародеры нигдѣ не признаются законными непріятелями, и всякій въ правѣ убивать ихъ. Лазутчики же хотя и не отвергаются народнымъ правомъ, однако вѣшать лазутчиковъ противника, если они попадутся въ руки, есть международный обычай. Повѣшенному лазутчику, впрочемъ, все равно, какъ рѣшать профессора народнаго права: позорна ли его смерть или нѣтъ.

Народное право воспрещаетъ торжественно предназначенное посягательство на жизнь главы непризнаннаго государства; но очевидно, что и монархи, нежелаящие подвергать себя опасности смерти, поступаютъ благоразумно, держась вдали отъ полей сраженій, ибо, при нынѣшнемъ всеобщемъ употребленіи огнестрѣльнаго оружія, легко можетъ случиться, что въ главу государства попадетъ именно тотъ, кто и не имѣлъ намѣренія стрѣлять въ него.

Убивать безоружныхъ жителей непріятельской страны, если они ведутъ себя мирно, новѣйшее народное право также воспрещаетъ положительно. По древнему, до-христіанскому, народному праву, они были обращаемы въ неволю и съ ними поступали какъ съ рабами; по смыслу же христіанскаго народнаго права, безоружные жители должны оставаться въ полномъ владѣніи своею личною свободою. Допускаются только временныя принудительныя мѣры: нѣкоторыхъ обывателей берутъ заложниками, заставляя служить проводниками, воззачиками, употребляютъ на земляныя работы и т. п.

Нестроевые чины, врачи, и вообще весь небоевой персоналъ

арміи, должны, по смыслу народнаго права, быть подводимы подъ одну категорію съ мирными и безоружными обывателями.

Что до права собственности, то война уничтожаетъ обоюдное признаніе его между враждующими сторонами; завоеватель вступаетъ фактически во владѣніе извѣстною частію земли непріятеля, и тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ временно всѣ права прежняго государя: онъ можетъ, по праву войны, пользоваться, въ предѣлахъ занятой имъ территоріи, для своихъ цѣлей, всякою *государственною* собственностію, движимою и недвижимою, но обязапъ уважать собственность *частную*, какъ подданныхъ, такъ и главы государства (удѣлы). Вообще, державныя права въ завоеванной странѣ не могутъ быть есмарируемы у завоевателя, какъ, напримѣръ, право налога на жителей, право собирать таможенныя и другіе доходы и т. п. Если прежній глава государства былъ, въ этомъ отношеніи, ограниченъ конституціонными постановленіями, то такое ограниченіе не касается завоевателя; да и самъ завоеватель, въ большинствѣ случаевъ, не имѣлъ бы возможности поступать конституціонно, напримѣръ въ томъ случаѣ, если бы вниманіе налоговъ зависѣло отъ согласія представителей всей страны, а онъ подчинилъ себя только одну область. И охрана частной собственности становится пустою фразою при реквизиціонной системѣ, и развѣ только при системѣ продовольствія войскъ изъ магазиновъ она могла бы имѣть нѣсколько болѣе мѣста. Правомѣрная добыча дѣлается при всякомъ приказанномъ или дозволенномъ главнокомандующимъ грабежѣ, и хотя до сихъ поръ еще спорять о томъ, слѣдуетъ ли позволять солдатамъ грабить взятыхъ имъ въ плѣнъ непріятелей, однако все это совершается на войнѣ сплошь и рядомъ. Единственная охрана плѣннаго — степень образованности и чувство чести того, кому онъ сдался. По обычаю сухопутной войны, не всѣми, впрочемъ, признаваемому, добыча должна быть возвращена прежнему владѣльцу, если она будетъ отнята у того, кто ее взялъ, до истеченія двадцати четырехъ часовъ владѣнія ею. По морскому праву, «добрыми призами» («доброю добычею») признаются всѣ военныя и торговыя суда непріятеля и тѣ суда нейтральныхъ государствъ, которыя перевозятъ военную контрабанду.

Таковы основныя начала права народнаго и права военнаго.

Авторъ статьи «Неприкосновенность частной собственности въ международныхъ войнахъ» поставилъ цѣлю своего изслѣдованія ходъ историческаго развитія преимущественно морскаго права; но, по самой сущности международныхъ войнъ, онъ не могъ не касаться военныхъ дѣйствій и на сушѣ. Представ-

ля, въ самомъ сжатомъ очеркѣ, нѣкоторыя особенно выдающіяся стороны его изслѣдованія, мы обратимъ главное вниманіе на сухопутную войну и упомянемъ о морской войнѣ только тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ для уясненія вопроса о неприкосновенности частной собственности вообще.

Въ древности, когда народы воевали почти исключительно для добычи, для завоеванія земель и порабощенія противника, война велась не только противъ государства или противъ цѣлой націи, но и противъ всѣхъ подданныхъ, взятыхъ отдѣльно; слѣдовательно, о неприкосновенности частной собственности тогда не могло быть и рѣчи. Такимъ же характеромъ отличались войны и во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Съ усиленіемъ государственной власти, со введеніемъ болѣе правильныхъ сношеній между народами, съ учрежденіемъ постоянныхъ регулярныхъ арій, война начала утрачивать частный характеръ: она становится отношеніемъ государствъ и грабежъ заимается контрибуціей. Успѣхи цивилизаціи не коснулись, однако, условій войны на морѣ въ той степени, въ какой они повлияли на войны сухопутныя. «На морѣ», говоритъ авторъ, «война продолжала и продолжаетъ до сихъ норъ носить открыто тотъ частный характеръ, завѣщанный средними вѣками, вслѣдствіе котораго сущность морской войны можно опредѣлить словами: *грабежъ неприцельской собственности*». Причины подобной отсталости морскаго права кроются, по мнѣнію автора, главнымъ образомъ, въ меркантильномъ характерѣ морскихъ войнъ и въ тѣхъ особенныхъ цѣляхъ, которыя, съ помощію ихъ, преслѣдовались. Лишь только, начиная съ шестнадцатаго столѣтія (послѣ открытія Америки и морскаго пути въ Индію) морская торговля сдѣлалась достояніемъ всѣхъ приморскихъ государствъ Европы, государства стали направлять всѣ свои силы къ одной цѣли—къ достиженію морской монополіи, къ возможно-полному устраненію другихъ націй отъ участія въ выгодахъ морской торговли, что и повлекло за собою ожесточенныя войны. Боль скоро уничтоженіе торговли противника сдѣлалось главною задачею государствъ, то и война на морѣ неминуемо должна была обратиться въ организованный грабежъ неприцельскихъ торговыхъ судовъ и вообще неприцельской собственности, гдѣ бы те ни было.

Такому исключительному характеру войнъ на морѣ содѣйствовали и особенности самаго театра войны—моря. Всеобщій на сушѣ должень, для собственныхъ выгодъ, щадить мирное населеніе и частную собственность противника: суровое обращеніе съ обывателями, разграбленіе ихъ собственности, имѣетъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ

то, что жители бѣгутъ въ безопасныя мѣста, уничтожаютъ продовольственные запасы, берутъ съ собою. Нерѣдко случается, что мирные веденные до ожесточенія и отчаянія, обращаются начиная противъ вторгнувшейся арміи партизанскія гибельную, если она принимаетъ обширныя размѣры событія двѣнадцатаго года. Иначе на морѣ. Морскихъ сношеній непріятеля, невозможное на суше всюю территоріей противника, на морѣ и легко, и образно и захватъ непріятельскаго частнаго имущества судовъ не сопряженъ съ такими невыгодными какъ на сушѣ, т. е. воюющей не рискуетъ быть того или другаго мѣста, лишиться возможности продовольствія, подвергаться мщенію ожесточившихся. Изъ всѣхъ европейскихъ державъ особенно Англія послѣ утрехтскаго мира, преобладанія на моряхъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, право преслѣдованія частной собственности, и въ то время, когда она принимала суровыя мѣры къ удержанію своихъ соотечественниковъ непріятельскаго населенія, соотечественники ея ожесточеніемъ частное имущество того же противника. Самоуправство Англіи имѣло послѣдствіемъ противъ континентальныхъ державъ противъ систематическаго исключительному владычеству на моряхъ. Первый споръ Англіи съ континентомъ былъ споръ Фридриха II съ кабинетомъ во время войны Испаніи и Франціи (оконченъ миромъ въ 1748 году), по случаю захвата серами и каперами восемнадцати прусскихъ кораблей французскіе товары, и болѣе тридцати нейтральныхъ женныхъ отчасти прусскими товарами. Въ этомъ спорѣ высказана мысль, что *корабль долженъ считаться территоріей своего государства.*

Мы не имѣемъ возможности вдаваться въ подробности автора вопроса и неисчисляемыхъ имъ фактовъ церемоннаго хозяйничанья Англіи на моряхъ; замѣтимъ только объ отнѣннѣ права захвата на морѣ непріятельской собственности встрѣчается весьма рано. Еще въ прошломъ столѣтіи возставалъ противъ этого права. Талейранъ, въ депешѣ I (20-го ноября 1806 года), также требовалъ признанія частной собственности не только на сушѣ

онъ сослался на неопровержимое начало, что «война есть отношеніе государствъ, а не частныхъ лицъ, подданныхъ воюющихъ сторонъ», и на ученіе юристовъ, по которому «народы должны дѣлать себѣ столь возможно болѣе добра въ мирное время и столь возможно менѣе зла во время войны.» Въ декретѣ же Наполеона отъ 21-го ноября 1806 года сказано прямо, что «законы войны сухопутныхъ и морскихъ одни и тѣ же», и что, согласно съ этимъ законами, какъ частныя лица, чуждыя военному ремеслу, такъ и ихъ имущество, должны пользоваться полною неприкосновенностію». Въ запискахъ своихъ Наполеонъ высказалъ желаніе, чтобы «либеральныя идеи, оказавшія вліяніе на образъ веденія войны сухопутныхъ, произвели такой же переворотъ и въ обычаяхъ морскихъ войнъ», и чтобы «частное имущество, признаваемое свободнымъ отъ захвата на сушѣ, было признаваемо неприкосновеннымъ и во время войны на морѣ».

Въ такомъ же смыслѣ высказывались и всѣ новѣйшіе правовѣды. «Война есть средство парализовать непріятельскія силы, съ цѣлію воспрепятствовать противнику вредить намъ, и принудить его къ совершенію того, что онъ обязанъ намъ сдѣлать». Слѣдовательно, война должна касаться только войска и захвату могутъ подлежать только военные предметы непріятельскаго правительства, назначенные для враждебнаго употребленія; частныя же лица не могутъ быть отвѣтственными за дѣйствія своихъ правительствъ, стало быть и имущество ихъ должно оставаться неприкосновеннымъ. «Война есть средство рѣшать, при помощи оружія, несогласіе возникшее между двумя державами, непризнающими высшаго общаго судьи для мирнаго рѣшенія вопроса». И справедливость, и гуманность предписываютъ однако, чтобы *воюющій не причинялъ своему противнику зла болѣе того, сколько необходимо для принужденія ея къ признанію нарушеннаго имъ права*. Воюющій можетъ поражать только своего врага, а врагами, во время войны, являются не отдѣльныя лица, а цѣлые народы. «Война есть отношеніе государства къ государству; частныя лица, подданные воюющихъ державъ, становятся между собою врагами только какъ представители государства, *какъ воины*». Слѣдовательно, воюющій не можетъ относиться неприязненно къ мирнымъ гражданамъ противной стороны, доколѣ они не возьмутся за оружіе. И частное имущество мирныхъ гражданъ не подлежитъ захвату; и мирныя торговля сношенія, неизмѣющія связи съ состояніемъ войны, не должны быть нарушаемы.

Авторъ наиболѣе распространеннаго въ Германіи сочиненія о современномъ европейскомъ народномъ правѣ (*Das europäische Völ-*

kerrecht der Gegenwart, 4-е изданіе 1861 года), Гефтеръ, возставая противъ нѣкоторыхъ утвердившихся военныхъ обычаевъ, отрицаетъ, чтобы захватъ какой-либо вещи и двадцати-четырехъ-часовое владѣніе ею давали право собственности на эту вещь, и вообще полагаетъ, что подобный обычай несогласенъ съ правами и возрѣніями цивилизованнаго, просвѣщеннаго христіанствомъ, времени. Но требованіе безусловной неприкосновенности частнаго имущества онъ называетъ «несбыточною мечтою». По его мнѣнію, захватывающій пріобрѣтаетъ право собственности только съ прекращеніемъ войны, если, притомъ, въ мирномъ договорѣ не будетъ постановлено иначе.

Особенно полно и послѣдовательно развилъ въ 1854 году, въ «Journal des économistes», ученіе о неприкосновенности частной собственности извѣстный эконоmistъ Молинали, именно по поводу крымской войны. Поставивъ вопросъ: какое вліяніе могло оказать на исходъ войны прекращеніе торговли Россіи блокадой ея комерческихъ портовъ? онъ, при помощи числовыхъ данныхъ, доказывалъ, что этою мѣрою интересы Россіи поражались, сравнительно, въ самой незначительной степени, и что отъ нея гораздо болѣе страдали выгоды самихъ же союзныхъ державъ и народовъ мирныхъ. «Воюющій, уже ради одного успѣха въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ, долженъ щадить торговлю и вообще частное имущество непріятельскихъ подданныхъ не только на сушѣ, но и на морѣ», говоритъ Молинали. Онъ рѣшительно возстаетъ противъ разнаго рода стѣсненій торговли нейтральныхъ и доказываетъ совершенную бесполезность ограниченія торговли запрещеніями относительно предметовъ такъ называемой военной контрабанды: всѣ подобныя запрещенія не вели ни къ чему и не имѣли никакого вліянія на ходъ войны. Дѣйствительно, исторія не представляетъ примѣра, чтобы воюющій былъ принужденъ къ заключенію мира вслѣдствіе недостатка оружія и военныхъ снарядовъ. «Истинная военная контрабанда заключается въ средствахъ, при помощи которыхъ пріобрѣтаются военные снаряды и оружіе, и нѣтъ никакой возможности воспрепятствовать доставкѣ именно этой контрабанды. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, причинять торговлѣ вредъ и стѣсненія, не могущія оказать осязательнаго вліянія на исходъ борьбы?» Короче: Молинали требуетъ *безусловной* неприкосновенности частной собственности, неограниченной свободы нейтральныхъ и отнѣны комерческой блокады. Онъ признаетъ только одинъ случай, когда воюющій можетъ прекратить сношенія нейтральныхъ съ противною стороною: это въ случаѣ блокады крѣпости или укрѣпленнаго города, когда воюющій хочетъ принудить гарнизонъ къ сдачѣ посредствомъ

голода, или когда онъ намѣренъ не допускать до враждебной арміи подвоза продовольствія. «Въ послѣднемъ случаѣ», замѣчаетъ Молинари, «устраиваютъ *блокаду стратегическую*, которая существенно отличается отъ *блокады коммерческой*, направленной противъ беззащитныхъ мирныхъ гражданъ».

Авторъ статьи обращаетъ еще вниманіе на теорію извѣстнаго ученаго публициста Вейса (*Code du droit maritime international*), которая, по основной мысли и по гуманности предположенной еѣ, принадлежитъ къ числу теорій съ самымъ современнымъ направлениемъ. Вейсъ считаетъ войну «безчестіемъ христіанской цивилизаціи»; онъ желалъ бы сдѣлать ее явленіемъ возможно-рѣдкимъ, и потому въ основаніе своей системы права полагаетъ мысль, что, въ случаѣ размоловки между двумя державами, всѣ остальные націи должны примкнуть къ той сторонѣ, которая имѣетъ за себя справедливость, и тѣмъ избѣжать войны. Иначе говоря, публицистъ требуетъ, чтобы *нейтральныхъ не существовало*. «Надобно дать нейтральнымъ почувствовать бремя и послѣдствія войны, чтобы они были заинтересованы въ вопросѣ о справедливости... Нейтральный, не желающій защищать право, не имѣетъ права извлекать и выгоду изъ войны и пользоваться большею свободою, чѣмъ сами воюющіе...» Особенно сильно возражаетъ Вейсъ противъ провозглашеннаго парижской деклараціей 1856 года положенія: «нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ». По его мнѣнію, нейтральный корабль, занимающійся перевозомъ непріятельскихъ товаровъ, не только не освобождаетъ ихъ отъ захвата, но и самъ подлежитъ захвату, вмѣстѣ съ нейтральнымъ грузомъ. Опредѣленіе же того, что должно разумѣть подъ военною контрабандою, публицистъ предоставляетъ самому воюющему, и только въ томъ случаѣ, если, передъ началомъ войны, воюющій не объявилъ, какіе именно товары онъ будетъ считать военною контрабандою, къ ней должны быть причислены всѣ предметы, могущіе способствовать поддержанію войны. Блокады въ собственномъ смыслѣ, какъ оцѣпленія извѣстнаго порта для пресѣченія сообщеній съ нимъ непріятеля и нейтральныхъ, Вейсъ не признаетъ, полагая, что, съ объявленіемъ войны, уже соединяется и блокадное состояніе непріятельскихъ портовъ.

На сколько ученіе этого публициста выдерживаетъ критику, видно изъ слѣдующей оцѣнки его авторомъ статьи: «Основная мысль Вейса, требованіе, чтобы, въ случаѣ разногласія между двумя державами, всѣ остальные примкнули къ правой сторонѣ и приняли участіе въ войнѣ, не выдерживаетъ критики ни съ точки зрѣнія

справедливости, ни со стороны его практичности и пригодности для того, что бы сдѣлать войну явленіемъ возможно-рѣдкимъ. Бремѣ того, доктрина Вейса, по заданной себѣ авторомъ задачѣ умиротворенія народовъ, хотя и соотвѣтствуетъ современному настроенію цивилизованнаго человѣчества, но, по грубому характеру предложенныхъ средствъ, находится въ полномъ разладѣ съ требованіями нашего времени, для котораго однимъ изъ коренныхъ принциповъ юридическаго сознанія сдѣлалась неприкосновенность частной собственности и вообще ненарушимость частныхъ правоотношеній».

Въ самомъ дѣлѣ, мысль о пощадѣ, во время войны, частнаго имущества мирныхъ гражданъ стала пріобрѣтать, послѣ парижской деклараціи 1856 года, все болѣе и болѣе приверженцевъ не только между публицистами, но и между людьми государственными; повсюду обнаруживается желаніе достигнуть отмѣны старой системы грабежа, несогласной ни съ современною цивилизаціей, ни съ характеромъ экономическихъ отношеній нашего вѣка. Даже въ Англіи возвышаются голоса въ пользу новаго принципа, въ той самой Англіи, которая и въ теоріи, и на практикѣ всегда держалась начала прямо противоположнаго. Правительства нѣкоторыхъ державъ (Россія, Франція и Американскихъ Штатовъ) уже выразили свое сочувствіе принципу свободы частной собственности и готовность признать его общенароднымъ закономъ. Въ войну 1866 года, Прусія и Австрія старались слѣдовать новому гуманному началу. Имѣло-ли мѣсто это начало во франко-германскую войну?... Если бы все то, что писали французскія газеты о жестокостяхъ, грабежахъ, хищничествахъ нѣмецкихъ войскъ, о систематическомъ истребленіи ими частной собственности мирныхъ гражданъ, оказалось хотя вполонину справедливымъ, то можно было бы отчаяться въ благотворномъ влияніи христіанской цивилизаціи на смягченіе нравовъ во время войны. Но прежде чѣмъ произносить окончательный, по этому поводу, приговоръ, надобно дождаться раскрытія и подтвержденія истины, что, конечно, не замедлитъ при нынѣшнемъ господствѣ гласности.

Изложивъ доводы относительно всеобщаго требованія неприкосновенности частной собственности въ военное время, авторъ ставитъ вопросъ:

Вѣроятно-ли осуществленіе начала неприкосновенности частной собственности? Неужели требованіе народовъ объ уваженіи ихъ частныхъ правоотношеній осуждено вѣчно остаться несбыточною мечтою?

«Нѣтъ», отвѣчаетъ авторъ. «Ихъ требованіе справедливо, и, какъ

всякое справедливое требованіе, вызванное потребностію общества, оно рано или поздно должно осуществиться, но не тѣмъ путемъ, какъ полагають большинство публицистовъ. Война всегда была и есть актъ грубаго насилія, а при такомъ основномъ характерѣ ея и всѣ усилія смягчить гибельныя послѣдствія войны—оградить частную собственность, уменьшить кровопролитіе и т. д.—всегда будутъ тщетны. *Грубое насиліе и уваженіе правъ насилуемаю несомнѣтельны.* Намѣненіемъ однихъ вѣнскихъ формъ войны не измѣнится сущность ея, и война всегда останется тѣмъ, что она есть: народнымъ бѣдствіемъ и позоромъ для человѣческаго благоразумія. Повторяемъ: *война всегда будетъ война.* Но будетъ-ли вѣчно удержавъ этотъ грубый и варварскій способъ рѣшенія международныхъ вопросовъ—это другой вопросъ».

Вслѣдъ затѣмъ авторъ обращается къ разсужденіямъ *объ идеѣ стечнаго мира*—идеѣ старой, возникшей еще въ дохристіанскую эпоху, существовавшей въ средніе вѣка, возобновленной Генрихомъ IV, королемъ французскимъ, мечтавшимъ о созданіи «христіанской республики», и разработанной, во всѣхъ подробностяхъ, публицистами и философами восемнадцатаго столѣтія. Не только такіе утописты, какъ абатъ Сень-Піеръ и Жанъ-Жакъ Руссо, но даже положительный Бентамъ и глубокомысленный Кантъ трудились надъ разрѣшеніемъ задачи постоянного мира, и только Гегель утверждалъ, что вѣчный миръ, если допустить возможность его, привелъ бы человечество къ гніенію и къ застою. Нѣмецкій мыслитель сравниваетъ войну съ вѣтромъ, проносающимся надъ моремъ и очищающимъ воздухъ. Въ наше время, главнымъ орудіемъ мирной пронаганды являются «общества друзей мира», основанныя въ Женевѣ, въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Нью-Йоркѣ, въ Бостонѣ, въ Филадельфіи и въ другихъ городахъ Европы и Америки. Съ 1843 года поборники вѣчнаго мира стали собираться на конгрессы, на которыхъ предложено множество проектовъ умиротворенія народовъ—проектовъ большею частію непрактичныхъ и неведущихъ къ цѣли. Достигнута пока одна цѣль: необходимость устраниенія войнъ проникла въ сознаніе массъ и прінадлежитъ къ числу самыхъ распространенныхъ убѣжденій нашего времени.

А между тѣмъ, никогда еще численность армій и флотовъ не была доводима до такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ въ наше время; никогда еще умъ человѣческій не ухищрялся столько въ изобрѣтеніи новыхъ орудій истребленія человечества, какъ нынѣ.

Чѣмъ же объяснить два столь противоположныя стремленія современнаго общества?...

Авторъ думаетъ, что оба непримиримые между собою факта не только не представляютъ никакого противорѣчія, но отчасти даже обуславливаютъ другъ друга.... «Ибо»—говоритъ онъ—«въ ряду причинъ, поддерживающихъ желаніе мира и устраненіе войнъ, немаловажную роль играютъ именно громадность постоянныхъ войскъ, тягости, сопряженныя съ ихъ содержаніемъ, и губительное дѣйствіе усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія». Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, сдѣлана ссылка на мысль, высказанную въ 1851 году прусскимъ посланникомъ въ Лондонѣ Бунзенемъ лорду Пальмерстону, будто самое умноженіе постоянныхъ войскъ есть вѣрный залогъ болѣе или менѣе близкаго ихъ уничтоженія, такъ какъ правительства убѣдятся наконецъ въ невозможности содержать долго громадныя арміи.... Многочисленность новыхъ открытій и изобрѣтеній въ военной техникѣ также «не есть результатъ», по мнѣнію автора, «воинственнаго настроенія нашего времени, а просто слѣдствіе высокаго развитія техники вообще, обаянной этимъ, въ свою очередь, успѣхамъ естественныхъ наукъ». Мало того: авторъ готовъ вѣрить, что, въ окончательномъ результатѣ, постоянныя усовершенствованія оружія и средствъ разрушенія служатъ едва-ли не болѣе, чѣмъ конгрессы филантроповъ, дѣлу умиротворенія народовъ: «чѣмъ губительнѣе будутъ дѣйствовать орудія смерти», думаетъ онъ, «тѣмъ кровопролитнѣе, но за то и тѣмъ менѣе продолжительными и менѣе частыми, станутъ войны». Авторъ идетъ еще далѣе: рано или поздно, «постоянныя усовершенствованія и изобрѣтенія въ военной техникѣ приведутъ къ изобрѣтенію такихъ смертоносныхъ орудій и столь сильно дѣйствующихъ разрушительныхъ средствъ, что уничтожится всякая возможность защиты; а тогда, конечно, и война прекратится сама собою, потому что сдѣлается невозможною....» Основываясь на подобныхъ соображеніяхъ, авторъ вполне соглашается со словами Аррстронга, который на обѣдѣ, данномъ въ честь ему лондонскими стрѣлками, назвалъ въ своей рѣчи всѣхъ трудившихся надъ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія *истинными охранителями мира*.

Еслибы авторъ пристальнѣе всмотрѣлся въ смыслъ событій, совершившихся въ послѣднее двадцатилѣтіе, то разочаровался бы въ своемъ, безспорно похвальномъ, оптимизмѣ. Стоило только Людовику-Наполеону овладѣть французскимъ престоломъ и бросить въ глаза Европѣ дерзкую насмѣшку: «имперія значитъ миръ», и Европа по-

опытка вооружиться и была свидетельницею четырех кровопролитнейших войн: крымской, итальянской, австро-прусской и франко-германской, следовавших одна за другой въ короткій промежутокъ времени. Какъ же можно допустить парадоксъ, будто многочисленныя постоянныя войска, содержимыя правительствами, поглощающія наибольшую часть государственныхъ доходовъ, будто всѣ усовершенствованія въ огнестрѣльномъ оружіи способны содѣйствовать упроченію мира?... Вѣдь теперь государства не хотятъ, да и не могутъ уже, довольствоваться многочисленными постоянными арміями: теперь, для поддержанія своей самобытности, они обязаны имѣть подъ ружьемъ весь народъ.... Неужели все это означаетъ конецъ войнамъ и водвореніе вѣчнаго мира?... А усовершенствованныя средства истребленія?... Еслибы кто-нибудь изобрѣлъ такую смертоносную машину, которая разомъ уничтожала бы не баталіоны, не полки, а цѣлыя арміи, то и тогда народы не перестали бы воевать между собою. Война, сама по себѣ, есть только конечный результатъ политическихъ столкновеній государствъ, а политическія столкновенія зависятъ отъ столь разнообразныхъ, многочисленныхъ и неожиданныхъ причинъ, что устранить ихъ не въ силахъ никакая человѣческая премудрость. Вотъ гдѣ кроется прискорбное сознаніе въ неизбѣжности войны и на будущія времена.

Соображая все, что совершилось въ области народнаго права вообще и военнаго права въ особенности въ послѣднее десятилѣтіе, нельзя не придти къ убѣжденію, что никакихъ существенныхъ измѣненій не послѣдовало. Попржнему, господствуютъ основныя начала, провозглашенныя еще въ прошломъ вѣкѣ, и только изрѣдка встрѣчаются отдѣльныя попытки создать новое международное право, живущее, правда, въ сознаніи народовъ, но не въ дѣйствительности. О вѣчномъ мирѣ говорили въ послѣдніе годы много, очень много, но никто не дождался еще видѣть его. Что же касается до болѣе точнаго опредѣленія сущности военнаго права, то по этому вопросу сдѣлано, въ послѣднія десять лѣтъ, еще менѣе. Какъ въ былыя эпохи, такъ и нынѣ, вмѣсто «права» беретъ перевѣсъ «обычай», существенно разнящійся въ мирное время отъ тѣхъ понятій, которыя, во время войны, прилагаются къ словамъ: «право», «долгъ», «великодушіе». «C'est la guerre!» восклицаютъ французы, выразительно пожимая плечами.

Весьма замѣчательны и характеристичны, въ этомъ отношеніи, два факта. Въ іюнѣ 1864 года появилась въ Парижѣ брошюра:

«La paix universelle, l'idée napoléonienne devant l'histoire» («*Всеобщій миръ, наполеоновская идея, предъ судомъ исторіи*»), написанная подъ диктовку ли Наполеона III или нѣтъ самъ, послѣ того какъ онъ потерпѣлъ фiasco со своимъ предложеніемъ конгресса въ 1863 году. Основаніемъ брошюры послужила статья для «*Dictionnaire général de la politique*», издаваемого Блокомъ, въ которой очень хорошо изложена историческая часть идей о вѣчной мирѣ, но которая сильно отзывается бонапартизмомъ. Особенно ярко выступаетъ бонапартистскій оттѣнокъ во введеніи къ брошюрѣ: здѣсь человечеству опять навязываютъ вѣрованіе, будто Наполеонъ I велъ всѣ войны единственно ради вѣчнаго мира и будто вторая наполеоновская имперія есть миръ.... вѣчный, для восстановленія котораго необходимо, впрочемъ, неопредѣленное число войнъ.... Брошюра щеголяетъ слѣдующими эпиграфами:

Лейбницъ, 1670: *Securitas publica (Общая безопасность).*

Лейбницъ къ абату Сентъ-Пьеру; 1715: *Il n'y a que la volonté qui manque aux hommes pour se délivrer d'une infinité de maux.... Pour faire cesser les guerres, il faudrait qu'un autre Henri IV, avec quelques grands princes de son temps, goûtât votre projet. (Людямъ не достаеъ только доброй воли, чтобы избавиться отъ многаго множества бѣдъ. Для прекращенія войнъ, надлежало бы, что бы другой Генрихъ IV, съ нѣсколькими великими государями своего времени, одобрилъ вашъ проектъ).*

Мирабо въ національномъ собраніи 10-го февраля 1791 года: *Tu veux la paix. Eh bien, c'est la faiblesse qui appelle la guerre; une résistance générale serait la paix universelle. (Ты хочешь мира. Но видѣ только слабость вызываетъ войну; общес противодѣйствіе было бы всеобщимъ миромъ.)*

Лудовикъ-Наполеонъ, *Idées napoléoniennes* 1839: *Il y a une politique qui offre franchement l'alliance de la France à tous les gouvernements qui veulent marcher avec et dans des intérêts communs.... Avec cette politique, pas de paix sans honneur, pas de guerre universelle.—Etablir une paix européenne solide.... (Есть политика, прямодушно предлагающая союзъ Франціи всѣмъ тѣмъ правительствамъ, которыя хотятъ идти объ-руку съ общими интересами.... При такой политикѣ, нѣтъ безчестнаго мира, нѣтъ всеобщей войны. — Водворить прочный европейскій миръ....)*

Псалмъ 119 стихъ 7: *Je suis enfant de la paix, et tan-*

dis que je parle de paix, ils ne pensent qu'à la guerre. (*Я слышу мира, но когда я говорю о мире, они думают только о войне* (*).

Вооружившись такимъ множествомъ эпиграфовъ, для вѣщающаго убѣжденія человѣчества въ своемъ миролюбіи, авторъ забылъ помѣстить слова Лейбница, какъ нельзя болѣе подходящія къ прославленію *наполеоновскаго* вѣчнаго мира:

«J'ai vu quelque chose du Projet de M. de St.-Pierre pour maintenir une paix perpétuelle en Europe. Je me souviens de la devise d'un cimetière, avec ce mot: Pax perpetua; car les morts ne se battent point; mais les vivants sont d'une autre humeur». (*Я читалъ кое-что изъ проекта г. де-Сенъ-Пьера о поддержаніи въ Европѣ вѣчнаго мира. Мнѣ вспомнилась слѣдующая надпись на одномъ кладбищѣ: Вѣчный миръ, потому что мертвые не дерутся; но живые разсуждаютъ иначе*).

Другой фактъ. Въ сентябрѣ 1867 года собрался въ Женевѣ такъ называемый «конгрессъ мира». Первымъ поводомъ къ нему послужило, вѣроятно, люксембургское дѣло, равно и желанія мира и увѣренія въ мирѣ, которыми обмѣнялись, при этомъ случаѣ, нѣмецкіе и французскіе рабочіе. Разговоры о Рейнѣ были просты, чужды всякаго притязанія на господство небольшого кружка надъ мировыми событиями. Иное зрѣлище представилъ женевскій мирный конгрессъ: на немъ явились самые несовѣстимые другъ съ другомъ элементы, отъ сытаго буржуа, подлинно, и во чтобы то ни стало, желающаго мира, потому что для буржуа вся честь народа заключается въ денежномъ мѣшкѣ, до безтолковѣйшаго революціонернаго говоруна, который все рѣшаетъ крикомъ и комедіей. Рустовъ очерчиваетъ женевскій конгрессъ въ слѣдующихъ рѣзкихъ выраженіяхъ:

«Какъ ни смѣло покажется наше утвержденіе, однако мы можемъ доказать, что, въ продолженіе цѣлаго столѣтія, на такомъ тѣсномъ пространствѣ и въ такое короткое время не было наговорено столько политическаго и національно-экономическаго вздора, какъ въ Женевѣ въ четыре сентябрьскихъ дня 1867 года. Характеристично для господствующей неясности вопроса то, что ни одинъ изъ многочисленныхъ ораторовъ не поставилъ опредѣлительно и точно разницы между внѣшнею и внутреннею войною, что, однако, было необходимо, какъ предварительное условіе, для объясненія дальнѣйшей возможно-

(*) Въ славянскомъ текстѣ Библіи, этотъ стихъ выраженъ такъ: «съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ: егда глаголахъ нивъ, боряху на туевъ.»

сти войны. Вообще въ Швейцаріи находили страннымъ, что конгрессъ собрался въ этой мирной странѣ, вмѣсто Париза, признаваемого очагомъ европейскаго безмірія. Мы, лично, находимъ это еще страннѣе, послѣ того, какъ Наполеонъ III завлялъ себя такимъ усерднымъ сотрудникомъ въ дѣлѣ упроченія мира. Единственнымъ реальнымъ послѣдствіемъ женеваго мирнаго конгресса было, кажется, взятіе въ плѣнъ и заключеніе Гарибальди въ александрійскую крепость».

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

II.

Journal de l'armée belge. Recueil d'art, d'histoire et de sciences militaires. Bruxelles, 1869—1870.

Бельгійская военная литература—самая молодая изъ всѣхъ военныхъ литературъ Европы. Прошло уже сорокъ лѣтъ со времени отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи, но первые признаки самостоятельности бельгійской военной литературы обнаруживаются лишь со времени основанія, въ 1851 году, «Журнала бельгійской арміи», слѣдовательно только въ послѣднія девятнадцать лѣтъ. До этихъ поръ, небольшое государство, возникшее подъ вліяніемъ французской революціи 1830 года, было и въ военномъ, и въ политическомъ, и въ литературномъ отношеніи блѣднымъ сколкомъ со своего образца—Франціи. Нынѣ, благодаря дѣятельности даровитыхъ представителей бельгійской арміи, военная литература страны все болѣе и болѣе заявляетъ свою самостоятельность и уже можетъ указать на достойныхъ дѣятелей, каковы, напримѣръ, Ренаръ, Бриальмонъ, Фандефельде, Никэзъ, Лагранжъ, Леконтъ. Сочиненія бельгійскихъ офицеровъ по военной исторіи, по тактикѣ, по артилеріи и по фортификаціи пользуются заслуженнымъ авторитетомъ.

«Journal de l'armée belge», какъ періодическое изданіе, посвященное разработкѣ всѣхъ отраслей военного дѣла, на столько упречилъ свою самобытность, что выдерживаетъ соперничество съ лучшими военными органами старѣйшихъ государствъ. Можно сказать, что и онъ, подобно странѣ своей, обеспеченной нейтралитетомъ, стоитъ на нейтральной почвѣ при обсужденіи и рѣшеніи тѣхъ военныхъ вопросовъ, которые возбуждаютъ наиболѣе противоположныя мнѣнія въ печати. По крайней мѣрѣ, «Журналъ бельгійской арміи» трудно упрекнуть столько же въ исключительности и односторонности

направленія нѣкоторыхъ военныхъ органовъ французскихъ, сколько въ черзечуръ иногда отвлеченной теоріи иныхъ журналовъ нѣмецкихъ. Мы, однако, вовсе не хотимъ сказать этимъ, что «Journal de l'armée belge» первенствуетъ надъ своими собратами во Франціи, въ Германіи, въ Англии и въ Америкѣ; мы указываемъ только на его характеристическую черту, и думаемъ, что тѣ, которые коротко знакомы съ иностранною военною журналистикою, согласятся съ нами.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ статей «Журнала бельгійской арміи.»

Въ 1868 году французское правительство издало три карты Франціи, изображающія территорію этого государства во время революціи, реставраціи и второй имперіи. По поводу изданія ихъ, журналъ замѣчаетъ, что революція 1830 года, отторгнувшая Бельгію отъ Голландіи, улучшила положеніе Франціи. Прежде, въ случаѣ войны, бельгійскія крѣпости были занимаемы англійскими и прусскими войсками, и съ этой стороны Франціи грозила серьезная опасность; нынѣ крѣпости срыты и Бельгія, объявленная нейтральною, поддерживаетъ своей нейтралитетъ статическою арміею и одною сильною крѣпостію, т. е. прикрываетъ Францію; слѣдовательно, овладѣніе Бельгіею уже не есть стратегическая необходимость для Франціи.

Дѣйствительно, нейтралитетъ Бельгіи—важная гарантія европейскаго мира. Это сознавали Ришельё и Мирабо и, въ наше время, Гизо. Наполеонъ III также считалъ нейтралитетъ Бельгіи и Швейцаріи необходимыми для безопасности Франціи и для сохраненія европейскаго мира; но, конечно, былъ не-прочь, еслибы представился удобный случай, захватить небольшое бельгійское королевство и сдѣлать изъ него французскій департаментъ.

Разсмотрѣвъ политическую сторону вопроса, статья переходитъ къ обсужденію стороны военной, останавливаясь преимущественно на томъ фактѣ, что вторженіе Франціи съ сѣвера нынѣ неосуществимо и что дорога должна идти чрезъ Эльзасъ и Савойю. Для французскихъ войскъ, Бельгія еще болѣе невыгодная территорія, чѣмъ для нѣмцевъ, потому что французы могли бы быть прижаты къ морскому берегу. Для Франціи гораздо выгоднѣе сосредоточиться въ Бурбоннѣ и маневрировать на своихъ внутреннихъ линіяхъ къ Вогезамъ и къ Альпамъ, чѣмъ раздробляться на сѣверной границѣ. Въ 1813—1814 годахъ Наполеонъ испыталъ всѣ невыгоды заботы о Бельгіи: онъ принужденъ былъ обнажить себя. Расширеніе Франціи до лѣваго берега Рейна было бы слишкомъ велико: граница была бы ослаблена,

потому что рѣка, сама по себѣ, не служитъ преградой. Въ настоящихъ же предѣлахъ, Франціи остается защищать серьезно только полосу отъ Базеля до Люксембурга. Здѣсь, для своихъ двѣнадцати крѣпостей въ первой и десяти во второй линіи, ей пришлось бы имѣть, по наибольшей мѣрѣ, 100,000 человекъ. Противъ Рейна она имѣетъ желѣзныя дороги: Парижъ-Дижонъ-Бельфоръ, Парижъ-Шомонъ-Базель, Парижъ-Нанси-Страсбургъ, Парижъ-Мецъ-Мангеймъ, съ двумя поперечными дорогами, изъ которыхъ одна идетъ вдоль Рейна, другая чрезъ Сенъ-Дизье, Шомонъ, Лангръ, Доль. Германія же имѣетъ желѣзныя дороги: Берлинъ-Ганноверъ-Кельнъ, Берлинъ-Майнцъ, Дрезденъ-Дармштадтъ-Мангеймъ, Вѣна-Мюнхенъ-Карлсруэ. Въ случаѣ войны оборонительной, Франціи было бы труднѣе защищать рейнскую долину, чѣмъ внутреннюю линію между Вогезами и поперечною дорогою Сенъ-Дизье-Доль. Она могла бы сосредоточить здѣсь большія боевыя силы.

Статья эта была написана въ 1868 году.

Несмотря, однако, на нейтралитетъ Бельгіи, правительство постоянно расходовало большія суммы на укрѣпленія Антверпена, какъ главнаго оплота противъ вражескихъ покушеній. О послѣднихъ распоряженіяхъ по этому дѣлу журналъ сообщаетъ слѣдующія подробности. Мѣстность въ 98 гектаровъ, принадлежащая государству, уступлена извѣстному строителю желѣзныхъ дорогъ Струсбергу, подъ условіемъ употребить половину ея на устройство морскихъ учрежденій, бассейновъ, складовъ и т. п. За эту уступку правительство получило четырнадцать миліоновъ франковъ, которые оно наиѣрено израсходовать на новыя укрѣпленія Антверпена, а именно: четыре или пять миліоновъ на новый фронтъ, одинъ миліонъ на казармы, шесть миліоновъ на три новыхъ форта и около миліона на плотину. При совѣщаніяхъ объ антверпенскихъ укрѣпленіяхъ въ 1859 году было постановлено, чтобы наводненія лѣваго берега Шельды были обороняемы малыми фортами на плотинахъ, иди позади самыхъ наводненій. Впослѣдствіи, военный министръ объявилъ въ палатѣ, что крѣпость не оставляетъ желать ничего большаго; въ журналѣ также было доказываемо, что крѣпость можетъ обороняться противъ самыхъ сильныхъ атакъ. Остановились на мысли, что Антверпенъ защищенъ и противъ атаки флота, который воплиѣ можетъ быть задержанъ однимъ прегражденіемъ рѣки, и что атака на лѣвомъ берегу, гдѣ непріятелю нельзя подойти по причинѣ наводненій, была бы желательна.

Припоминая эти факты, «Журналъ бельгійской арміи» постав-

лаетъ на видъ, что, несмотря на обозначеніе Антверпена, все-таки хотять построить, съ большими издержками, форты впереди наводненій, и что генералъ Ренаръ, рѣшительно высказавшійся противъ мнѣнія упомянутой комисіи, теперь самъ предлагаетъ эту мѣру. «Конечно», прибавляетъ журналъ, «съ тѣхъ поръ сѣверная и южная цитадели отчасти обрушились, но это не имѣло ничего въ оборонѣ рѣки и въ наводненіяхъ: нельзя же было оборонить ихъ верками, такъ далеко расположенными за ними. Слѣдовало бы только, съ меньшими издержками, возстановить старинные форты Буртъ, испанскій фортъ и такъ-называемую «трубу табакъ» и соединить ихъ оборонительною плотиною. На наводненія, считавшіяся прежде характеристическими преимуществами Антверпена, теперь смотрять какъ на недостатки!... Если станутъ продолжать такъ, то потратить еще многіе миліоны на укрѣпленія».

Въ Антверпенѣ, полигонная система укрѣпленія принята въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Огонь внутренникъ верховъ не перекрещивается, но выходитъ прямо наружу; форты обширные и не легко анфилируются; земляные валы не допускаютъ брени; глубокіе водяные рвы предохраняютъ отъ внезапныхъ нападений; гамеромъ защищаютъ обороняющагося и допускаютъ въ нихъ движеніе колонъ и артилеріи. «Все это прекрасно», замѣчаетъ авторъ статьи Полигонное укрѣпленіе Бриальмона, «но положеніе Антверпена заставляетъ еще желать многого. Центральному редуту слѣдовало бы находиться и у стратегическаго ключа; онъ долженъ бы былъ охватывать городъ, какъ тому научаетъ опытъ всѣхъ кампаній. Бриальмонъ хочетъ установить для Бельгій исключеніе; онъ утверждаетъ, что не Брюссель, а Антверпенъ служить стратегическимъ ключомъ. Но уже въ 1847 году было указано на то, что надлежало смирить пограничныя крѣпости и укрѣпить Брюссель; въ 1859 году, первая половина этой мѣры была наконецъ принята, а что до второй, то, по увѣренію Бриальмона, она оказалась неисполненною. Но Брюссель имѣетъ нынѣ высшее политическое значеніе, чѣмъ въ средніе вѣка, когда Антверпенъ скорѣе могъ быть признаваемъ главнымъ пунктомъ. Да и географическаго положенія его въ центрѣ страны не должно упускать изъ вида; кромѣ того, онъ представляетъ узелъ сообщеній: всѣ дороги, шоссе и желѣзныя, равно и каналы скрываются здѣсь, и окрестности весьма пригодны для укрѣпленій; высоты, окружающія городъ, допускаютъ закрытое внутреннее движеніе; остроугольные такъ форты фланкировали бы атакующаго. Платости же высотъ образуютъ удобный гласисъ; всѣ движенія непріятеля были бы замѣтны. Поло-

женіе было бы для арміи здоровѣе, чѣмъ посреди прудовъ Антверпена; наводненія также вреднѣе обороняющемуся, чѣмъ атакующему. Наконецъ населеніе столичнаго города многочисленнѣе и способнѣе для содѣйствія оборонѣ, нежели населеніе города торговаго. Германія ли, Франція ли будетъ угрожать Бельгіи, Брюсель, во всякомъ случаѣ, представитъ лучшее средоточіе для устройства общей обороны. По плану Бриальмона, Термонде, Мехельнь (Малинь), Льеръ, Схотенъ образовали бы стратегическій четырехугольникъ, съ Антверпеномъ, какъ центральнымъ пунктомъ, всего изъ слишкомъ ста верковъ. Планъ чрезчуръ громаднѣй!... Для этого не достало бы всей бельгійской арміи, да и не было бы возможности соорудить такое множество верковъ, вмѣстѣ съ устройствомъ наводненія, въ самый моментъ опасности. Въ сущности, Антверпенъ есть редюитъ—не болѣе. Брюсель одинъ могъ бы прикрыть страну, и на это потребовалось бы гораздо меньше трудовъ и издержекъ. Для Брюселя нужно было бы не болѣе двадцати двухъ верковъ, между тѣмъ какъ на одинъ Мехельнь понадобилось бы ихъ шестнадцать. При существованіи упомянутаго четырехугольника, надлежало бы употребить всю армію для обороны; Брюсель же ограничился бы національною гвардіей, а армія осталась бы для наступательныхъ дѣйствій».

По фортификаціоннымъ вопросамъ возникла оживленная полемика между полковникомъ Бриальмономъ и майоромъ Фандефельде, редакторомъ журнала. Высказанное Фандефельде мнѣніе по поводу книги Бриальмона о полигонномъ укрѣпленіи Бриальмонъ нашелъ крайне одностороннимъ и преувеличеннымъ. Между прочимъ, Фандефельде утверждалъ, будто Бриальмонъ далъ мехельнской позиціи объемъ въ 31 километръ, тогда какъ здѣсь не болѣе 12½ километровъ; онъ говорилъ, что въ четырехугольникъ Антверпена, Термонде, Мехельна и Льера армія была бы разбросаннѣе, чѣмъ на старой пограничной линіи, которая заключаетъ въ себѣ 605 километровъ съ 21 грѣпостью, тогда какъ четырехугольникъ имѣетъ только 106 километровъ. Временныя укрѣпленія Мехельна и Льера одобрены всѣми комисіями и отнюдь не химера. За сосредоточеніе арміи въ Антверпенѣ говорилъ генералъ Шазадь; удобство подать Антверпену помощь съ моря было признано генераломъ Ренаромъ. Отказывая инженерамъ въ пониманіи стратегіи, Фандефельде заимствовала, однако, свой проектъ укрѣпленія центральнаго пункта изъ сочиненія инженера; уменьшеніе же имъ важности Антверпена неблагоприятно предъ лицомъ арміи и народа, а мнѣніе его о нездоровости Антверпена ни на чемъ не основано. Что до предложенія его укрѣпить Брюсель, то, въ свое

время, оно не было принято никѣмъ; даже генералъ Жоинни, на котораго онъ ссылается, желалъ, кромѣ Брюсселя, имѣть еще два опорныхъ пункта на Маасѣ и на Шельдѣ. Не противъ этого ратуетъ Бриальмонъ, но противъ защиты Бельгій единственно укрѣпленнымъ Брюсселемъ. Фандефельде высказался также противъ панцирныхъ судовъ, нарънныхъ орудій и ружей заряжающихся съ казны и заявляетъ странное мнѣніе, будто Прусія не довѣряетъ своимъ ружьямъ, будто нарънные орудія будутъ скоро оставлены и т. д.

Такова сущность возраженій Бриальмона.

Фандефельде отвѣчалъ, что онъ всегда высоко цѣнилъ укрѣпленія Антверпена и отставалъ ихъ; форты Мехельна, безспорно, занимаютъ весьма большое пространство, ибо, очевидно, все-равно: будутъ ли они построены еще въ мирное время или только въ случаѣ войны, какъ говорятъ, въ свое оправданіе, Бриальмонъ. Фандефельде остается при убѣжденіи, что сосредоточеніе войскъ совершается быстрѣе въ центрѣ страны, нежели на окраинахъ. Кромѣ того, помощь со стороны Германіи или Франціи скорѣе можно было бы имѣть въ Брюсселѣ, чѣмъ въ Антверпенѣ. Далѣе Фандефельде оправдывается, что не унижаетъ значенія Антверпена, а думаетъ только, что, кромѣ его, и Брюссель долженъ быть крѣпостію. Относительно же новаго оружія онъ говорилъ, что оно еще несовершенно и переживаетъ переходное состояніе, а вопросъ о панцирныхъ судахъ признаетъ сомнительнымъ. При нарънныхъ орудіяхъ все зависитъ отъ точнаго знанія разстояній, что пріобрѣтается лишь послѣ долговременнаго опыта. Въ кампанію 1866 года, нарънные орудія не обнаружили никакихъ особенныхъ результатовъ.

Какъ видно, современные фортификаціонные вопросы живо интересуютъ военныхъ людей въ Бельгій. Обратимъ вниманіе нашихъ читателей еще на одну статью: Преподаваніе фортификаціи въ Брюссельскомъ военномъ училищѣ. Она написана, въ видѣ возраженія, на разсужденіе о томъ же предметѣ, помѣщенное въ журналѣ.

При преподаваніи фортификаціи въ упомянутомъ училищѣ представляется основнымъ правиломъ, что бастионная постройка предпочтительнѣе полигонной и тенальной системы относительно фланжирования, штурмовой атаки, перекрестнаго огня и сообщеній. Ошибочность этого правила была доказываема неоднократно, и если въ Брюссельскомъ военномъ училищѣ его держатся такъ упорно, то, конечно, потому, что въ послѣдніе тридцать четыре года тамъ рѣдко мѣнялся персоналъ преподавателей фортификаціи, не было, слѣдовательно,

и перемѣны взглядовъ на коренныя положенія науки. Если же въ статьѣ (на которую написано возраженіе) сказано, что въ училищѣ всѣ системы фортификаціи изучаются съ одинаковымъ безпристрастіемъ, и что на изученіе укрѣпленій Антверпена употребляется больше времени, чѣмъ на ознакомленіе съ системами Вобана, Кегорна и Кормонтэна, то на это слѣдуетъ замѣтить, что недостаточно знать хорошо дѣло, а надобно и судить о немъ правильно. Обыкновенная тактика противниковъ полигонной системы состоитъ въ томъ, чтобы испровергать всѣ ея роды и недостатки самыхъ плохихъ изъ нихъ приписывать даже лучшимъ родамъ. Въ статьѣ полковника Лагранжа упомянуто, что, между тѣмъ какъ въ прочихъ фортификаціонныхъ системахъ употребленіе казематовъ предписывается безусловно, въ крѣпостяхъ бастионныхъ казематы часто являлись ненужными. Но дѣло въ томъ, что теперь казематы безусловно-необходимы при всѣхъ системахъ, для избѣжанія мертвыхъ угловъ. При полигонной системѣ легче предохранять флангирующіе казематы отъ огня отдаленныхъ батарей, чѣмъ при системѣ бастионной, при которой они имѣютъ еще ту важную невыгоду, что обстрѣливаютъ другъ друга, когда штурмъ ведется противъ куртены, и затрудняютъ постройку удобныхъ и безопасныхъ сообщеній чрезъ главный ровъ. Лагранжъ утверждаетъ далѣе, что фронтъ Фалло—идеаль брусельской школы — несовершеннѣйшій изъ всего предъявленнаго инженерною наукою; но нетрудно указать на весьма существенные недостатки этого фронта, напримѣръ: рвы передъ флагами бастионовъ и передъ флагами тевали не обстрѣливаются артилеріей главнаго вала; сообщенія съ полумѣсяцами (деми-люнами) крайне недостаточны, и эти неудобства еще увеличались послѣ введенія нарѣзныхъ орудій. Статья говоритъ, что употребленіе земляныхъ облицовокъ при фронтѣ Антверпена, дающее ему большое преимущество предъ полигонными вергами Германіи, заимствовано изъ усовершенствованной бастионной фортификаціи. Но земляныя облицовки изобрѣтены не Фалло и не Гаксо: онѣ были предложены еще въ началѣ семнадцатаго вѣка Августомъ II. Лагранжъ поставяетъ на видъ несправедливый упрекъ, будто примѣненіе бастионной постройки ведетъ къ употребленію низменныхъ верговъ; однако, со времени Вилля и Пагана до Кормонтэна вышина бастионовъ постоянно уменьшалась: она упала съ десяти метровъ до 5,80 метровъ. Безъ необходимости не случилось бы такого уменьшенія, потому что и Вобанъ, и Кормонтэнъ полагали, что можно дѣлать валы не слишкомъ высокими. Правда, Гаксо, Барно, Шумара и Меркесъ стали строить ихъ болѣе высокаго рельефа, но

это повлекло за собою ошибки, которые можно было отворотить только умноженіемъ вѣшнихъ верховъ, казематовъ и т. д. Потому—то большинство французскихъ инженероу не отвергаютъ такіе фронты, предпочитая имъ тѣ, которые находятся въ Най-Бривахъ. При новомъ, въ 1867 году, исправленномъ фронтѣ Меца, главному валу придана, какъ максимумъ, высота въ 7,50 метровъ.

Въ статьѣ говорится еще, что при многоугольномъ фронтѣ необходимы шесть казематированныхъ батарей, чтобы вполнѣ фланжировать эскарпъ, тогда какъ, въ самыхъ неблагоприятныхъ случаяхъ, для бастионнаго фронта достаточно двухъ такихъ батарей. Мнѣніе ошибочное: хорошо залеженные многоугольные фронты вполнѣ фланжируются четырьмя низменными казематированными батареями, чему лучшее доказательство представляетъ Антверпенъ. При бастионномъ же фронтѣ, если фронтъ снабженъ тенами, рыи фланговъ и дуртины остаются совершенно безъ обороны.

Лагранжъ утверждаетъ, наконецъ, что сообщенія идеальнаго фронта брусельскаго училища лучше, нежели въ какомъ—либо вергѣ многоугольной постройки. И это мнѣніе невѣрно. Въ моврнхъ рвахъ названнаго фронта сообщеніе поддерживается только малыми деревянными мостами, чрезъ что весьма затрудняется, а часто становится и невозможномъ, контръ—атака противъ полумѣсяца и его редюнта; при сухихъ же рвахъ сообщенія съ вѣшными вернами неполны и опасны, потому что во рвахъ невозможно устроить двойной капониръ, если не хотятъ маскировать огонь тенами или предоставить нападающему закрытый путь; притомъ, чтобы достигнуть выдвинутаго полумѣсяца, надобно пройти, подъ огнемъ атакующаго, гласисъ въ 130 метровъ длинн.

Съ особенною тщательностію разрабатываются въ журналѣ и современные взгляды на тактику и на стратегію. Самъ редакторъ помѣстилъ свой обширный трудъ, имѣющій предметемъ войну 1866 года, и отпечатанный потомъ отдѣльно, подъ заглавіемъ: «La guerre de 1866, par le major Vandevelde». Вотъ нѣкоторыя характеристическія подробности по поводу этого сочиненія.

Утверждаютъ, будто война 1866 года ниспровергла все, имѣвшія до нея силу, основныя начала организаціи, тактики и стратегіи. На сколько это справедливо, должно обратиться къ описаніямъ этой кампаніи и къ сужденіямъ о ней военныхъ писателей. Вообще можно сказать, что матеріальные моменты, каковы: точность и дальнострѣльность наръвной артилеріи, скорый огонь ружей заряжающихся съ казны, телеграфы и желѣзныя дороги, дѣйствуютъ силь-

нѣе на сужденія большинства, чѣмъ комбинаціи государственныхъ людей, талантъ полководцевъ, организація и образованіе арміи. Торопливое, даже слишкомъ торопливое, введеніе заряжающихся съ казны ружей во всѣхъ европейскихъ арміяхъ было непосредственнымъ слѣдствіемъ такого взгляда; однако весьма сомнительно, точно-ли европейскія арміи снабжены теперь дѣйствительнымъ военнымъ оружіемъ. Нарѣзная артилерія не произвела тѣхъ чудесъ, какихъ отъ нея ожидали. Главное отличіе кампаніи 1866 года отъ прежнихъ заключается въ ея кратковременности; причиною тому были, прежде всего, желѣзныя дороги, которыми воспользовались пруссаки для вторженія, и ошибочное отступленіе Бенедекка на Ольмиуцъ, открывшее путь къ Вѣнѣ, гдѣ, вдобавокъ, не позаботились построить укрѣпленный лагерь. Второю причиною должно признать готовность Пруссіи къ войнѣ. Что же касается кампаніи въ Италіи, то итальянцамъ не доставало единства военныхъ дѣйствій, а, главное, вѣрнаго плана. Четырехугольника они взять не могли, равно и обойти его; потому и принуждены были оставить передъ нимъ до 100,000 человекъ и двинуться съ другими 100,000, чрезъ Триентъ, къ Зальцбургу. Вслѣдствіи имъ уже не удалось сосредоточить на Минчіо превесощныя силы. По мнѣнію Рюстова, итальянцы грѣшили отсутствіемъ дальновидности, связи, настойчивости; у нихъ не было замѣтно союзности въ главномъ начальствованіи, и нѣкоторые генералы хотя и дѣйствовали отчасти хорошо, но отчасти и плохо. Не настояло уважительной причины бросать дѣло тотчасъ послѣ сраженія при Кустоцѣ. Леконтъ (авторъ исторіи войны 1866 года) хвалитъ сосредоточеніе австрійцевъ; итальянцы же раздѣлились на двѣ главныя массы, слѣдовательно не имѣли перевѣса тамъ, гдѣ могли бы имѣть его. Для демонстрацій на пижнемъ По, имъ слѣдовало бы оставить лишь небольшое число, а была ли операціонная линія избрана чрезъ Минчіо или чрезъ По, это все равно: препятствія являлись одинаково значительными. Исполненіе плана кампаніи было неудовлетворительно: двинулись впередъ, прежде чѣмъ демонстрація подѣйствовала на флангъ; потомъ пошли не со всѣми боевыми силами, и кавалерія употреблялась неудовлетворительно для обезпеченія арміи. Подъ Кустоцкою эригерцогъ Альбрехтъ ввелъ въ дѣло всѣ свои войска, кромѣ одного полка; но онъ бросалъ свои массы не по опасному для итальянцевъ направленію (вправо къ Валеджіо). На правомъ флангѣ итальянцы употребили свои войска правильнѣе; но самый бой былъ веденъ ими въ недостаточной связи. Главнокомандую-

цій самъ сталъ въ главѣ одной части, вмѣсто того чтобы руководить общими ходами.

Ванъ невѣстно, Пруссія давно приготовилась къ богемской кампаніи. Планъ Мольтке, двигатьея тремя линіями по различнымъ операціоннымъ линіямъ, былъ, въ сущности, ошибоченъ; но противникъ сдѣлалъ еще большія ошибки и тѣмъ далъ пруссакамъ возможность торжества. Государственные люди Австріи вызвали Пруссію прежде чѣмъ были сами готовы къ войнѣ; всѣ континенты были застѣнуты врасплохъ, въ особенности Силезіи, которая, если бы имѣла время подготовиться, должна была бы окружить Дрезденъ укрѣпленнымъ лагеремъ. При вторженіи пруссаковъ въ Богемію, Бенедекъ впалъ въ ту важную ошибку, что рѣшился самъ оборонять горныя проходы, вмѣсто того, чтобы только наблюдать за ними, выжидать неприятеля позади ихъ, въ сосредоточенной позиціи, и затѣмъ атаковать превосходными силами перваго дебуширующаго. Оттого его части подверглись пораженію по-одиночкѣ. Еще утромъ 3-го іюля австрійская армія была сосредоточеннѣе чѣмъ прусская, и могла, энергически атаковать первую прусскую армію, разбить ее до прихода второй. Вмѣсто того, Бенедекъ медлилъ нападеніемъ до тѣхъ поръ, пока неприятель утвердился передъ нимъ въ лѣсу. Высоты Хлума не были выгоднымъ для обороны пунктомъ; дѣйствіе артилеріи по всѣмъ направленіямъ оказалось безсмысленнымъ; войска были расположены такъ густо, что сосредоточенный неприятельскій огонь произвелъ въ ихъ рядахъ жестокое опустошеніе. При отступленіи, кавалерія и артилерія держалась очень хорошо. Имѣть за собою крѣпость Кениггрецъ представляло ту невыгоду, что линія отступленія шла по единственному узкому дефиле. Съ другой стороны, и пруссаки столпились, по причинѣ своихъ сходящихся массъ, въ такомъ беспорядкѣ, что не могли преслѣдовать. Движеніе Герварта къ Саксоніи необъяснимо при условіяхъ тамошней мѣстности; очевидно, что ключъ Неханицъ былъ обороняемъ ненадлежащимъ образомъ.

По мнѣнію Леконта, битва при Садовой не представляеть никакого особенно-замѣчательнаго маневра: все дѣлалось по первоначальному плану. Если бы, до полудня, австрійцы попытались прорвать своими массами тонкую линію пруссаковъ, то дѣло приняло бы иной оборотъ. Позиція Бенедекъ была выбрана дурно; ему слѣдовало бы быть позади Эльбы (но въ такомъ случаѣ онъ лишился возможности рѣшительнаго наступленія), или же прикрыть позицію при Садовой большими шанцами; но, главное, и прежде всего, ему надлежало выйти изъ своей пассивности. Не смотря на всѣ выгоды, которыя

представляла Вѣна для усиленія и продовольствія арміи. Бенедектъ, съ большею частію войскъ, повернулъ къ Ольмюцу, слишкомъ отдаленному отъ главной операціонной линіи для того, чтобы обнаружить на нее вліяніе. Такимъ образомъ, прусаки могли безпрепятственно и спокойно двигаться къ главному предмету. Преслѣдованіе производилось медленно и разбросанно. Если бы изъ Вѣны послѣдовалъ дружный наступательный ударъ, то еще разъ представилась бы возможность дать другой оборотъ кампаніи.

Статья **Построенія и движенія пѣхоты** обсуждаетъ слѣдующія данныя. Для реорганизациі боевой силы страны недостаточно одного военнаго закона; нужны еще новые соотвѣтственные уставы о службѣ. Въ Бельгіи этому положено начало учрежденіемъ комисіи для исправленія воинскаго устава. До сихъ поръ Бельгія руководствовалась французскимъ уставомъ, и всѣ попытки измѣнить его оставались безуспѣшными, потому что сама Франція не дѣлала шага впередъ, хотя на практикѣ никогда не слѣдовала уставу. Но постоянная—то практика и избавляла Францію отъ необходимости преобразовать свой уставъ согласно съ современными требованіями. Бельгія не имѣла подобной боевой практики; слѣдовательно, она нуждается въ цѣлесообразномъ приготовленіи къ войнѣ. Какъ это необходимо и полезно, показала кампанія 1866 года. Вотъ почему и Бельгія должна усвоить себѣ правила, извѣданныя Франціей на боевомъ полѣ и введенныя Прусіей въ уставъ. Въ этомъ отношеніи, уставомъ 1859 года уже достигнуты существенныя улучшенія, именно ротныя колонны; но не доставало приложенія новыхъ началъ къ движеніямъ многихъ баталіоновъ. Кромѣ того, нынѣ явились новыя измѣненія вслѣдствіе введенія заряжающихся съ казны ружей, покамѣсть, конечно, еще проблематическія. Впредь, войскамъ будутъ нужны болѣе построенія нежели движенія, особенно построеніе баталіона въ двѣ линіи—форма весьма сподручная. Для высшей тактики хороша дивизія въ двѣ или въ три бригады, какъ базисъ, съ конницею и съ артилеріей. Смотра по обстоятельствамъ, и бригада нуждается въ артилеріи; она должна быть построена въ двѣ линіи. Въ полковой школѣ надобности не будетъ. Раздѣленіе баталіона на шесть ротъ является наиболѣе цѣлесообразнымъ; при кратковременномъ срокѣ службы, надлежало бы, въ мирное время, сводить каждыя двѣ роты. Бельгійскій уставъ 1859 года придаетъ еще слишкомъ много важности старой линіи (развернутому фронту) и математической точности движеній; онъ дѣлаетъ баталіонъ еще черезчуръ неподвижнымъ, предоставляетъ мало самостоятельности рот-

нымъ командирамъ, не даетъ инструкціи для боя. Равненіе по росту несогласно съ требованіями равномернаго распредѣленія въ ротѣ лучшихъ людей; уравниваніе ротъ между собою—не военное дѣло. Сосредоточеніе полковъ и разныхъ арій въ большихъ гарнизонахъ предпочтительнѣе раздробленія на мелкія части. Развернутый баталіонъ всегда долженъ былъ бы имѣть позади фланговъ взводы застрѣльщиковъ. Отиѣна тихаго шага, введеніе двойныхъ ротъ для фланговаго марша и смятіе штыка—прогрессъ. Фехтованіе на штыкахъ принадлежитъ къ области гимнастики, а не устава. Введеніе ротной школы—необходимость, отвѣчающая системѣ ротныхъ колонъ. Огонь залпами, при нынѣшнемъ скоромъ заряданіи, должно предпочитать всякому другому; иной огонь годится развѣ только для шанцевъ или тому подобныхъ мѣстныхъ препятствій. При залпахъ, слѣдовало бы, впрочемъ, командовать только прикладъ, а не стрѣльбу. Маршъ развернутымъ строемъ долженъ уступить мѣсто маршу въ ротныхъ колоннахъ, легко развертываемыхъ. Одна колона къ атакѣ не будетъ впредь имѣть рѣшительнаго дѣйствія; окажется нужнымъ, смотря по требованіямъ, сочетаніе марша и огня. Команду надобно упростить и избавить баталіонныхъ командировъ отъ подробностей исполненія. Построеніе колонъ должно было бы заключать въ себя: баталіонную колона, колона въ двѣ роты, ротную колона, чтобы, для всякой потребности боя, имѣть нужную колона. Перестроеніе двойной колонны въ простой, и на оборотъ, является въ полѣ непрактичнымъ. Устраненіе нормальнаго порядка для отдѣльных ротныхъ колонъ не можетъ встрѣтить затрудненія. Въ виду нынѣшняго болѣе сильнаго дѣйствія огня, слѣдуетъ употреблять противъ конницы только пустое каре; но, вообще, при быстротѣ современной ружейной стрѣльбы, каре болѣе ненужно: можно устоять и въ развернутомъ строѣ, особенно если за обѣими флангами расположены ротныя колонны. Рекомендуются преимущественно колона въ двѣ роты, но причинѣ ея самостоятельности и подвижности; но, во всякомъ случаѣ, движенія должны исполняться точно, быстро и несуетливо. Застрѣльщиковъ не стѣснять черезчуръ уставными правилами: надобно предоставлять иное и усмотрѣнію каждаго изъ нихъ. Группы или кучки застрѣльщиковъ составлять болѣе нежели изъ четырехъ человекъ; онѣ должны быть руководимы унтеръ-офицерами. Для мѣстнаго боя (combat local) прилична ротная колона. Бригадная школа не можетъ впредь ограничиваться педантическими линейными движеніями: она есть простая комбинація движеній баталіона, причемъ собранные въ массы баталіоны идутъ ближайшею дорогою. Ба-

таліонная колона будетъ отнынѣ встрѣчаться рѣдко; ее замѣнятъ линія ротныхъ колонъ.

О тактикѣ артилеріи высказано замѣчаніе, что въ войну 1866 году батареи открывали огонь съ весьма большихъ разстояній и рѣже прежняго сопровождали войска, вслѣдствіе чего были разицаемы безопаснѣе и ставились оттого способнѣе къ болѣе быстрымъ движеніямъ. Онѣ нуждались менѣе и въ особенномъ прикрытіи. Продолженіе боя чрезъ наступавшія къ атакѣ пѣхотныя колонны производили на нихъ благопріятное впечатлѣніе. Когда же бой приближался къ артилеріи, войска были готовы охранить ее. Только въ случаѣ формальнаго отдѣленія батарей, онѣ имѣютъ нужду въ прикрытіи. Въ началѣ боя, надобно имѣть подъ-рукою много далекострѣльныхъ орудій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, укрывать собственныя войска на мѣстности; при столкновеніи же, артилерію слѣдуетъ остановить. Резервная артилерія служитъ тогда для преслѣдованія. Передъ застрѣльщиками артилерія должна отходить.

Остановимся еще на статьѣ **Военныя Бесѣды**. «Нынѣ вошло въ общую моду», говоритъ авторъ, «устраивать, такъ называемыя, военныя бесѣды; но онѣ болѣе утомляютъ, чѣмъ поучаютъ и оживляютъ, слишкомъ много занимаютъ техническими вопросами, чуждыми большинству. Слѣдовало бы заботиться преимущественно о практической тактикѣ. Такъ и поступали въ Пруссіи, и этому обстоятельству должно приписать, главнымъ образомъ, успѣхи, достигнутые пруссаками въ 1866 году. Прежде думали, что можно обходиться возможно меньшимъ числомъ застрѣльщиковъ; нынѣ убѣдились, что ихъ надобно употреблять въ массѣ для достиженія желаемого дѣйствія. Резервы вблизи линіи огня имѣть не годится: они невольнo переходятъ въ нее. Штабъ-офицерамъ не остается ничего болѣе, какъ прикинуть къ ротѣ, и потому имѣть болѣе дѣйствія массою, а остается дѣйствіе отдѣльныхъ, часто между собою перемѣшанныхъ ротъ». Авторъ полагаетъ, что все основывается на правильномъ пониманіи дѣла ротными командирами. Леконтъ не раздѣляетъ мнѣнія о такомъ раздробленномъ способѣ веденія войны; Фандефельде находитъ, что генералы недостаточно обладаютъ искусствомъ употреблять массы на полѣ сраженія. «Впрочемъ, при Садовой», прибавляетъ авторъ, «капитаны и майоры (т. е. ротные и баталіонные командиры) сдѣлали все; да пруссаки и обращаютъ главное вниманіе на одиночное образованіе офицера и солдата. Это, наконецъ, уразумѣли въ Бельгійи, и въ такомъ именно смыслѣ задуманъ новый уставъ. Но для того, чтобы, при кратковременномъ срокѣ службы, удовлетворить требованіямъ, падле-

жало бы усилить составъ ротъ, и рота должна была бы сдѣлаться щиколою новой тактики».

Одинъ бельгійскій офицеръ предполагаетъ издать рядъ военныхъ бесѣдъ и приложить къ нимъ пояснительные планы. Предметы ихъ слѣдующіе: успѣхи тактики со временъ Карла V; укрѣпленія на поляхъ сраженій; тактика пѣхоты съ 1866 года; телеграфы и полевые сигналы; употребленіе минъ и адскихъ машинъ; постройка временныхъ оборонительныхъ верковъ; наръзные или гладкія орудія; кавалерія въ аванпостной службѣ; желѣзныя дороги въ полѣ; облегченныя переправы черезъ рѣки; рекогносцировки.

Сообщая нѣсколько техническихъ открытій, журналъ указываетъ, между прочимъ, на выгоды и преимущества котла съ внутреннимъ очагомъ, изобрѣтеннаго полковникомъ Треванемъ. При обыкновенной варкѣ солдатскаго кушанья на большихъ очагахъ, потребляется огромное количество горючаго матеріала. Котелъ съ внутреннимъ очагомъ, испытанный въ продолженіе четырнадцати лѣтъ, сберегаетъ 50% топлива, требуетъ меньшаго числа людей, облегчаетъ раздачу порцій, позволяетъ большую опрятность, улучшаетъ пищу. Его водяные пары могутъ идти на стирку бѣлья. На одинъ полкъ нужно имѣть четыре человѣка для варки, восемь человѣкъ для стирки, а ежегодная экономія простирается до 20,000 франковъ на тысячу человѣкъ.

НУЖНЫ ЛИ НАМЪ СТРѢЛКОВЫЕ БАТАЛІОНЫ?

„Du choc des opinions jaillit la vérité.“

Недавно, на одномъ изъ публичныхъ чтеній профессора николаевской академіи генеральнаго штаба, полковника Леера, о послѣдней прусско-французской войнѣ, при обзорѣ организаціи обѣихъ воевавшихъ армій, было замѣчено, что хотя въ обѣихъ арміяхъ существуютъ отдѣльные стрѣлковые баталіоны, однако ни въ той, ни въ другой изъ нихъ не знаютъ куда ихъ употребить; войска же, съ которыми не знаютъ что дѣлать, нужно считать бесполезными. Мнѣніе это полковникъ Лееръ вывелъ, между прочимъ, и изъ заключенія французскаго генерала Трошю, высказаннаго въ извѣстномъ его сочиненіи: «Французская армія въ 1867 году», и основаннаго на боевой опытности французскихъ дивизіонныхъ генераловъ.

Но спрашивается: можетъ ли послѣднее заключеніе служить какимъ либо доказательствомъ послѣ всего того, что нынѣшняя война обнаружила относительно неумѣнья французскихъ генераловъ распоряжаться своими войсками въ бою? Да и можно ли вообще считать войско, обладающее качествами, требуемыми для боя, бесполезнымъ только потому, что его не умѣютъ употребить во-время? Не слѣдуетъ ли скорѣе винить начальниковъ, неумѣвшихъ распорядиться такимъ войскомъ, и, вмѣсто того, чтобы, по этой причинѣ, уничтожать прекрасныя войска, приняться за изученіе наивыгоднѣйшаго способа ихъ употребленія? У насъ нерѣдко приходилось слышать, что въ томъ или другомъ случаѣ не умѣли употребить кавалерію, но можно ли изъ этого вывести заключеніе, что кавалерія бесполезна?

Въ противоположность вышесказанному, мы видимъ, напримѣръ, что Прусія, вообще не любящая тратить лишнюю копейку, по окончаніи кампаніи 1866 года, выигранной преимущественно пѣхотой, поспѣшила ввести въ своей артилеріи всѣ преобразованія, на необходимость которыхъ указала эта война; но при этомъ она не только оставила свои стрѣлковые баталіоны, а даже увеличила число ихъ, соотвѣтственно съ увеличеніемъ состава арміи, вслѣдствіе присоединенія Ганновера и др. Мы видимъ также, что и южно-германскія государства, участвовавшія въ войнѣ 1866 года, сохранили свои 11-ть отдѣльныхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, что Австрія оставила свои 41, а Италія 45 стрѣлковыхъ баталіоновъ, не говоря уже о Швейцаріи и другихъ мелкихъ государствахъ. Если допустить, что во

Франции, подъ вліяніемъ господствовавшей тамъ системы, могла выйти нару жу, то какъ же допустить такое ослѣпленіе въ другихъ арміяхъ?

На это намъ могутъ, пожалуй, возразить, что ни въ одной изъ перечисленныхъ армій не существуетъ, какъ у насъ, стрѣлковыхъ ротъ при полкахъ; правда, стрѣлковыхъ ротъ тамъ нѣтъ, но есть соответствующія части, предназначенныя для дѣйствія въ цѣли для прикрытія своихъ сомкнутыхъ частей, и которыя; если принять во вниманіе большую развитость нижнихъ чиновъ въ иностранныхъ арміяхъ, въ выполненіи этого ихъ назначенія врядъ-ли уступать нашимъ стрѣлковымъ ротамъ.

Отдавая полную справедливость вполне цѣлесообразному учрежденію у насъ стрѣлковыхъ ротъ, скажемъ однакожь, что приносимая ими польза нисколько не умаляетъ значенія стрѣлковыхъ баталіоновъ, такъ какъ тѣ и другіе имѣютъ различное назначеніе и другъ друга замѣнить не могутъ. И дѣйствительно, стрѣлковыя роты такъ срослись съ своими баталіонами въ полкахъ, что можно сказать не преувеличивая, что послѣдніе считаютъ немыслимымъ—идти въ бой безъ своихъ стрѣлковыхъ ротъ. Вслѣдствіе этой тѣсной связи, какъ учебной, такъ и нравственной, установившейся между баталіонами и ихъ стрѣлковыми ротами, едва ли какой начальникъ передъ боемъ охотно согласится отдѣлить стрѣлковыя роты, для отдѣльнаго дѣйствія отъ своего полка, несмотря на то, что надобность въ отдѣльномъ употребленіи стрѣлковъ отъ полковъ встрѣчается на войнѣ перѣдко. Удовлетворяя хотя бы только одному этому послѣднему назначенію, стрѣлковые баталіоны, при постоянно увеличивающемся боевомъ значеніи ружейнаго огня, оправдываютъ свое существованіе.

На это могутъ возразить, что у насъ слишкомъ ограниченное число стрѣлковыхъ баталіоновъ для того, чтобы они могли вездѣ удовлетворить встрѣчающейся надобности въ отдѣльномъ дѣйствіи стрѣлковъ, и что вслѣдствіе этого, по необходимости, все таки придется для этой цѣли отдѣлять стрѣлковыя роты отъ полковъ. Но сравнительно малое число стрѣлковыхъ баталіоновъ не есть еще аргументъ противъ пользы ихъ существованія; этимъ можно только доказать, что ихъ слишкомъ мало. И нѣтъ сомнѣнія, что оно дѣйствительно такъ; съ этимъ согласится всякій, кому приходилось на дѣлѣ убѣдиться, съ какими затрудненіями, въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, сопряжено отдѣленіе баталіона отъ полка, на болѣе или менѣе продолжительное время. И вотъ еще причина, почему, по крайней мѣрѣ для нашей арміи, всегда будетъ по-

можно имѣть нѣкоторую часть полевыхъ войскъ, сформированныхъ отдѣльными баталіонами.

Само собою разумѣется, что употребленіе въ бою стрѣлковыхъ баталіоновъ нельзя подвести подъ тѣ же неизмѣнныя правила, какія уставы даютъ относительно употребленія стрѣлковыхъ ротъ. Вообще же, стрѣлковые баталіоны слѣдуетъ употреблять сообразно съ обстоятельствами; вотъ почему для многихъ можетъ казаться, что они не имѣютъ прямого назначенія.

Въ нѣмецкой, такъ же какъ и во французской арміяхъ, легкая пѣхота имѣетъ двойной составъ: полковой (фузилерные полки, зуавы и туркочы) и отдѣльнаго баталіона (стрѣлковые баталіоны). Во французской арміи, судя по мнѣнію генерала Трошю (*), тѣ и другіе предназначаются преимущественно для первоначальнаго наступательнаго дѣйствія; но, въ отношеніи стрѣлковыхъ баталіоновъ, такое назначеніе было бы очевидно ошибочно, такъ какъ отъ отдѣльнаго баталіона, по существу дѣла, этого нельзя и требовать.

Пруссаки же, напротивъ, даютъ обонимъ родамъ своей легкой пѣхоты различное назначеніе: употребляя фузилерные полки преимущественно для наступательныхъ дѣйствій, а стрѣлковые баталіоны для отпора, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстность тому наиболѣе способствуетъ, они, какъ примѣръ соответственнаго употребленія въ бою стрѣлковыхъ баталіоновъ, указываютъ на кениггрецкое сраженіе, гдѣ 1-й стрѣлковый баталіонъ блистательно защищалъ южный выходъ изъ Хлумы, послѣ потери Просперитцъ, отъ усиленнаго напора австрійской пѣхоты. Последняя же война, по выраженію одного компетентнаго представителя побѣдоносной прусской арміи, «не представляла стрѣлковымъ баталіонамъ случая показать свою острастельную силу, такъ какъ пруссакамъ не приходилось выдержать ни одного боя съ отступленіемъ».

Несмотря на то, однако, что прусская армія, въ отношеніи своей военной организаціи, достойна подражанія, подобная двойственность назначенія легкой пѣхоты врядъ ли можетъ считаться удобнымъ, и намъ вѣжетъ, что неудобство это весьма удачно устранено у насъ соединеніемъ стрѣлковыхъ баталіоновъ въ бригады, съ сохраненіемъ притомъ отдѣльнаго устройства баталіоновъ; такое устройство, придавая стрѣлковымъ баталіонамъ самостоятельность въ бою, которой

(*) Генералъ Трошю въ названномъ сочиненіи говоритъ: «avoir à point nommé le bataillon de chasseurs à pied de la division pour couvrir son front de tirailleurs dans une disposition qui assure à chacun des bataillons de la ligne une part proportionnelle de cette protection—c'est presque impossible». Требованіе—не только „почти“, но совершенно невозможное!

не можетъ имѣть отдѣльный баталіонъ, дѣлають ихъ одинаково пригодными какъ для натиска, такъ и для отпора.

Въ видахъ пользы, которую можно ожидать отъ подобной организаци стрѣлковыхъ баталіоновъ въ нашей арміи, въ боевомъ отношеніи, а также принимая во вниманіе то, что прусская армія имѣеть значительную часть легкой пѣхоты (*), не составляющую, какъ у насъ стрѣлковыя роты, неразрывнаго цѣлага съ пѣхотными полками, — спрашивается, не слѣдовало ли бы увеличить у насъ число стрѣлковыхъ бригадъ, по числу имѣющихся формироваться въ военное время корпусовъ, уменьшивъ въ то же время соответственное число баталіоновъ существующихъ линейныхъ войскъ. Мѣра эта тѣмъ болѣе удобоисполнима, что она не только не увеличила бы расходовъ казны, но даже, какъ можно видѣть изъ приложеннаго ниже сего расчета, сократила бы ихъ.

Въ мирное время, конечно, составъ стрѣлковыхъ бригадъ могъ бы быть допущенъ и болѣе нынѣшняго 4-хъ баталіоннаго; но такъ какъ подвижность всякаго войска находится въ прямой зависимости отъ количества отдѣльных его частей, а между тѣмъ одно изъ главныхъ условій пользы стрѣлковыхъ баталіоновъ заключается въ ихъ подвижности, то одна лишь война можетъ рѣшить, дѣйствительно ли 4-хъ баталіонный составъ бригадъ есть самый лучший для боеваго ихъ назначенія.

Во всякомъ случаѣ, нынѣшнее устройство стрѣлковыхъ баталіоновъ, кромѣ несомнѣнной пользы въ мирное время для развитія ихъ стрѣлковаго образованія, представляетъ еще ту выгоду, что ихъ можно, въ военное время, сосредоточивать въ какомъ угодно числѣ на извѣстномъ пунктѣ театра-военныхъ дѣйствій, или же распределять по различнымъ корпусамъ и арміямъ, или, наконецъ, присоединять по одному баталіону къ каждой дивизіи, въ видѣ запасной стрѣлковой части. Въ послѣднемъ случаѣ, бригадные начальники не останутся безъ дѣла; въ виду формированія резервовъ и бригадныхъ управленій для военнаго времени, имъ всегда найдется назначеніе.

Что касается собственно употребленія въ бою стрѣлковыхъ баталіоновъ, то бригадное ихъ устройство даетъ возможность равнообразить его до безконечности; нѣтъ сомнѣнія, однакоже, что одною изъ главныхъ ролей для нашихъ стрѣлковыхъ бригадъ, въ будущихъ кам-

(*) Въ прусской арміи, корпусъ, кромѣ двухъ пѣхотныхъ дивизій, каждая въ четыре полка, имѣеть еще одна трихъ-баталіонный езулсерный полкъ и одна стрѣлковый баталіонъ, которые оба комплекуются способными къ стрѣлковому дѣлу людьми, выбранными изъ *всего* корпуснаго района — такъ что всего на каждыя двѣ пѣхотныя дивизіи приходится по четыре баталіона легкой пѣхоты.

паніяхъ, будетъ непосредственное содѣйствіе въ бою артилеріи, при употребленіи этого оружія въ тѣхъ размѣрахъ, какъ было, напри- мѣръ, въ послѣднюю войну, когда артилерію нерѣдко выставляли въ видѣ непрерывной батареи, до 90 и болѣе орудій въ одномъ пунктѣ.

Для дѣйствія протівъ подобной массы артилеріи, безъ сомнѣнія будутъ употреблены цѣли изъ мѣткихъ стрѣлковъ, способныхъ пора- жать артилерію съ самыхъ дальнихъ разстояній; слѣдовательно, для огражденія артилеріи придется употреблять также отборныя стрѣлко- выя части, дающія притомъ возможность отодвигать резервы болѣе назадъ.

Возраженіе протівъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, будто бы они, въ ущербъ остальной пѣхотѣ, поглощаютъ лучшихъ солдатъ и офицеровъ, не имѣетъ мѣста въ нашей арміи, такъ какъ у насъ для стрѣлко- выхъ баталіоновъ выбираютъ нижнихъ чиновъ ни лучшихъ изъ осталь- ной пѣхоты, ни даже лучшихъ изъ всего рекрутскаго набора или изъ всѣхъ резервныхъ баталіоновъ, а лишь изъ представленныхъ въ нѣ- которыхъ рекрутскихъ присутствіяхъ и изъ нѣкоторыхъ резервныхъ баталіоновъ.

Такъ, въ нынѣшнемъ году, 3-я стрѣлковая бригада пополняется изъ рекрутъ, собранныхъ въ городѣ Житомирѣ, 4-я въ г. Херсонѣ и Симферополѣ, 5-я въ Смоленскѣ и т. д., безъ всякихъ другихъ условій, лишь бы выбираемые люди физически были способны къ стрѣлковой службѣ и не выше шести вершковъ ростомъ.

Что же касается офицеровъ, то если стрѣлковые баталіоны дѣй- ствительно имѣютъ хорошій ихъ составъ, то они нисколько не на- носятъ этихъ ущерба остальной арміи, потому что они комплектуются офицерами такимъ же способомъ, какъ и полевые полки и, при по- ступленіи въ баталіоны, офицеры не отличаются отъ остальныхъ ар- мейскихъ офицеровъ; качества же, которыми они обладаютъ въ на- стоящее время, приобретаютъ собственно отъ новой среды, въ кото- рой они продолжаютъ службу.

Не можемъ не коснуться здѣсь и экономической стороны вопроса. Многіе полагаютъ, что новое бригадное устройство и вообще содержа- ніе стрѣлковыхъ баталіоновъ обходится дорого, и на это основаніи находятъ, что слѣдовало бы, оставляя лишь гвардейскую и турке- станскую стрѣлковыя бригады, изъ остальныхъ 24-хъ баталіоновъ сформировать дивизіи. Но на дѣлѣ выходитъ, что два дивизіонныхъ штаба—для двѣнадцати баталіоновъ каждый—стоятъ 23,866 рублей 78 коп. въ годъ, а содержаніе восьми трехъ-баталіонныхъ полковъ, по обыкновенному мирному составу—приблизительно 992,743 рубля

46 ком. въ годъ, что въ суммѣ составитъ *1,016,610 рублей 24 коп.*, тогда какъ шесть стрѣлковыхъ бригадныхъ управленій стоятъ — *24,563 рублей 70 коп.* въ годъ и содержаніе 24-хъ отдѣльныхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, по обыкновенному мирному составу, приблизительно *898,999 рублей 32 коп.*, въ годъ или всего—*923,563 рублей 2 коп.* Слѣдовательно, вмѣсто экономіи отъ преобразованія стрѣлковыхъ баталіоновъ въ линейные полки, эта мѣра потребовала бы ежегоднаго лишняго расхода въ *93,047 руб. 22 коп.*, не считая при этомъ одновременныхъ расходовъ, неизбежныхъ при всякомъ преобразованіи, какъ то: на передвиженіе войскъ, на выдачу пособій, устройство новыхъ штабъ-квартиръ, разныхъ складовъ и тому подобное. Такимъ образомъ, уничтоженіе стрѣлковыхъ баталіоновъ въ итогъ принесло бы казнѣ значительный денежный ущербъ, лишивъ въ то же время армию нашу 32-хъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, которые, по составу офицеровъ и нижнихъ чиновъ, по духу ихъ и образованію, бесспорно составляютъ отборное войско и которымъ недавнее вооруженіе стрѣлковыми винтовками, бьющими мѣтко даже на 1,500 шаговъ, придаетъ еще новое боевое значеніе. И все это въ то время, когда ни одна изъ иностранныхъ армій, имѣющихъ стрѣлковые баталіоны, не думаетъ ихъ уничтожать.

Въ предъидущемъ, мы не коснулись еще одной чрезвычайно важной выгоды, приносимой стрѣлковыми баталіонами, а именно, что, по независимой ихъ организаціи отъ остальной пѣхоты, имъ можно дать всегда особое отъ прочей пѣхоты вооруженіе; а въ наше время, когда одно изобрѣтеніе и усовершенствованіе по вооруженію быстро смѣняется другимъ, нельзя ручаться за то, что завтра же не появится такое оружіе, которое, по своимъ преимуществамъ, будетъ, относительно нынѣшняго заряжающагося сзади, тѣмъ же, чѣмъ былъ, при основаніи стрѣлковыхъ баталіоновъ, штуцера, по отношенію къ гладкоствольнымъ ружьямъ. Частое же перевооруженіе такой громадной арміи, какова наша, невысказуемо. Притомъ, нѣтъ сомнѣнія, что, при другихъ равныхъ условіяхъ, армія, въ которой, хотя нѣкоторая часть стрѣлковъ вооружена болѣе совершеннымъ оружіемъ, имѣетъ значительный перевѣсъ надъ тою, въ которой вовсе не будетъ такого вооруженія.

Ф.